

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДВУЯЗЫЧИЯ: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ В ИСКУССТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ

О. И. Уланович

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

E-mail: oksana.ulanovich@mail.ru

В статье рассматриваются ключевые аспекты феномена билингвизма с позиции лингво-когнитивных механизмов его формирования и функционирования, анализируется поливариантность видов парадигмы билингвизма в контексте профессиональной деятельности человека в сфере межкультурной коммуникации. Представлен феноменологический анализ явления сбалансированного переводческого билингвизма как уникальной конфигурации особых элементов языкового, когнитивного и социального аспектов сознания личности специалиста, требующей формирования специфических ментальных механизмов.

Ключевые слова: билингвизм, речевой механизм, вербальная коммуникация, речевая деятельность, переводческий билингвизм, переводческая лингводидактика.

На современном этапе развития общества актуальным представляется владение человеком помимо родного языка одним или несколькими иностранными, что способно обеспечить профессиональную успешность языковой личности в развивающемся поликультурном пространстве. Конкретно практические преимущества владения иностранными языками включают: расширение возможностей приобретения и передачи опыта и знаний, перспективы профессиональной самореализации, приобщение к богатствам мировой культуры и, что самое важное, формирование нового уникального

ракурса видения и оценки мира и своего бытия – в некотором роде «избытка субъективного видения и знания» [1, с. 23], что способствует развитию человека как субъекта эффективного диалога. Усвоение различных моделей языкового кодирования, отражающих специфику национальной концептуализации мира и ее закрепления в конвенциональных знаках (ибо, как отмечал Л.В. Щерба, «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках» [2, с. 171]) развивает как интеллектуальную, так и духовную сферы человека.

Феноменология билингвизма как полиморфного пересечения социальных, когнитивных, гносеологических, психологических, лингвистических и этнокультурных аспектов породила несколько десятков дефиниций понятия, равно как и классификаций по самым различным основаниям. Критерии билингвизма достаточно размыты, определения типов разнообразны: имеют место как весьма демократичные, так и самые строгие формулировки и жесткие рамки. Так, Е.М. Верещагин, наиболее полно в своих трудах исследовавший психологический аспект двуязычия, анализирует данное явление по критериям сформированности и функциональной продуктивности разных вербальных механизмов в двуязычной речевой деятельности. Отмеченное им *рецептивное* двуязычие ограничивается перцептивными речевыми умениями. В отличие от этого типа *репродуктивный* билингвизм – воспроизводящий. *Продуктивное* двуязычие предполагает умения активного порождения речи на обоих языках с обязательным наличием творческих построений [3].

При всем допущении вариативности феноменологического анализа парадигмы билингвизма, бесспорным представляется утверждение Ф. Грожена (Grosjean), что «билингвизм – это не сумма двух полных или неполных монолингвов; скорее это уникальная специфическая лингвистическая конфигурация. Сосуществование и постоянное взаимодействие двух языков у билингва производят отличную, но целостную лингвистическую сущность» [4, с. 6]. Актуальным представляется рассмотрение двуязычия не только и не столько с сугубо лингвистической стороны (как лингвистической сущности), но с позиций когнитивного и психолингвистического анализа, позволяющих выявить специфику ментального репрезентирования и функционирования в сознании билингва двух знаковых систем в речевой деятельности, степень их автономности или со-зависимости.

Анализ социальных условий возникновения двуязычия позволяет выделить в качестве максимально продуктивной модели его формирования принцип «одно лицо – один язык», обеспечивающий становление истинного двуязычия у ребенка, быстрое и безошибочное переключение сознания с одной знаковой системы на другую. Такая модель формирования и функционирования иноязычного речевого механизма представляется оптимальной, но практически недостижимой в условиях лингводидактически моделируемой иноязычной среды.

Изучение специфики работы речевых механизмов на родном и иностранном языках в условиях билингвальной коммуникации позволило Е.М. Верещагину предположить о возможности их как независимого, автономного, так и взаимосвязанного функционирования, проявляющегося непосредственно в акте речи, например, при осуществлении перевода. Такое двуязычие Л.В. Щерба называл «чистым», отмечая при этом, что «чистое двуязычие теоретически продолжает оставаться каким-то идеалом в методике преподавания иностранных языков» [2, с. 317]. Противопоставляемое так называемому *чистому* билингвизму *смешанное* двуязычие фиксируется при использовании человеком в одних и тех же ситуациях двух языков (при этом привлечение первого языка зачастую является способом достижения понимания второго). Как отмечает Л.В. Щерба, говорящие «переходят от одного языка к другому и употребляют то один, то другой язык, сами не замечая того, какой язык они в каждом данном случае употребляют» [2, с. 314].

С чем бесспорно соглашаются классики билингвизма, так это то, что именно *смешанное* двуязычие ведет к сравнению языков, которое предполагает автоматическое преломление всей парадигмы языковых явлений изучаемого языка через уже сформированное на базе родного языка языковое сознание, что в случае стихийного и неконтролируемого процесса ведет к «искажению неродного языка под влиянием родного» [2]. Смешанное двуязычие неизбежно сопровождается интерференцией – отрицательным влиянием одного языка на второй. Французские исследователи двуязычия М.М. Сигуан и У.Ф. Макки полагают, что явление интерференции будет тем более частым, чем более несовершенно двуязычие [5], что и наблюдается в условиях изучения языка в искусственной языковой среде.

С позиции анализа связи языка и речи с мышлением можно отметить *непосредственный* и *опосредованный* билингвизм.

Непосредственный билингвизм имеет место при прямой связи речевых процессов на обоих языках непосредственно с мышлением. В настоящее время вопрос о наличии в нашем сознании единого ментального кода (языка смыслов) не является дискуссионным. Однако мысль, сформированная на ментальном языке, может иметь различные внешние формы оязыковления, причем как, естественно, на разных языках, так и альтернативные формы вербализации в рамках одного языка. Степень непосредственности связи ментального языка со знаками языковой системы и степень посреднического участия родного языка в иноязычных речевых построениях определяют уровень непосредственности билингвизма. При непосредственном билингвизме для каждого языка существует автономная организация речевой деятельности и механизм контроля ее осуществления. Опосредованное двуязычие предполагает посредническую функцию родного языка во всех иноязычных речевых процессах, которые осуществляются не столько в контексте сущностной субстанции иностранного языка, сколько преломляясь через конвенциональные нормы вербальной коммуникации, устанавливаемые системой родного языка.

Указанные типы билингвизма в терминологии Е.М. Верещагина отмечены как *субординативное* и *координативное* двуязычие, а в исследовании Т.С. Серовой как *параллельный* и *автономный* виды билингвизма: «при автономном языке усваиваются субъектом без последовательного соотнесения их между собой, при параллельном билингвизме овладение одним из языков происходит с опорой на овладение другим языком» [6, с. 45].

В контексте переводческой лингводидактики важным представляется анализ феноменологии *переводческого билингвизма* в общенаучной парадигме билингвизма, как теоретико-методологическое обоснование эффективности лингводидактических технологий. И первым шагом такого исследования видится развенчание мифа о рассмотрении категорий «билингв» и «переводчик», как находящихся в отношениях тождественности. Не все лица, на высоком уровне владеющие двумя языками, способны осуществлять перевод («Не все билингвы могут быть переводчиками» [6, с. 45]). При этом переводчик закономерно билингв, однако компетенции переводчиков не сводятся к владению двумя (или более) языками, а включают целый спектр узкопрофессиональных переводческих знаний, и умений. Таким образом, если билингвизм – это особая лингвокогнитивная сущность, то переводческий билингвизм – это еще более уникальная конфигурация особых элементов языкового, когнитивного и социального уровней сознания личности специалиста, требующая формирования особых ментальных механизмов.

Т.С. Серова предлагает в качестве оптимальной сущностной формы профессионального переводчика конфигурацию «*сбалансированный переводческий билингвизм*», который «может быть определен как параллельный, координативный, активный, контактный, сбалансированный» и предполагает «не только знание двух языков, но прежде всего умение находить и соотносить коммуникативно-равноценные средства данных языков для выражения мыслей с учетом особенностей конкретного акта общения» [6, с. 46].

Расширяя предложенное Т.С. Серовой определение сбалансированного билингвизма переводчика, можно полагать, что владение переводчиками иностранным языком в рамках этой формы билингвизма характеризуется достижением уровня *концептуализации* языковых единиц, характеризующегося сформированностью в сознании языковой личности знаково-эмоционально-когнитивных триединств с учетом единства знака, аффекта и интеллекта [7, с. 8]. В отличие от предложенных и ранее подробно описанных нами уровней *доконцептуализации* и *псевдоконцептуализации* языковых единиц, собственно *концептуализированный* уровень представляется достижением максимальной «интеграции ментальных знаков, выступающих репрезентациями в сознании языковых единиц, с определенными интеллектуальными и смысловыми компонентами, отражающими когнитивные значимости единиц во всем разнообразии речевых и социальных практик, а также аффективными компонентами сознания, связанными с отношением и субъективной оценкой

тех или иных сопряженных с единицами языка явлений» [7, с. 8]. Такое владение иностранным языком в контексте феномена *сбалансированного переводческого билингвизма* обеспечивает полимодальность речевосприятия, подобно имеющему место в речевой деятельности на родном языке.

Далее, сбалансированный переводческий билингвизм предполагает наличие, по словам И.А. Зимней, высоко сформированных автоматизмов межъязыковых замен [8]. Это позволяет обеспечить при переводе оптимальное межъязыковое для конкретной пары языков согласование парадигм языковых соответствий на уровне прагматики слов, семантики текстового окружения, смысла речевых высказываний – всех тех аспектов языкового кодирования, вызванных спецификой национальной концептуализации мира и ее закрепления в конвенциональных знаках. Рассматриваемый в контексте диалектики диалогичности М.М. Бахтина переводческий билингвизм как когнитивно-языковой феномен характеризуется *диалогичностью*, поскольку репрезентирует диалог языков, культур, диалог национальных дискурсов и институциональных форм общения. Отсюда, эта особая форма билингвизма предполагает симультанную взаимоперекрещивающуюся связь ментальных структур человеческого познания и сознания (отражающих единство человеческого мышления и целостность окружающего мира) с конвенциональными, грамматикализованными, обладающими нормативной тождественностью языковыми и речевыми единицами на обоих языках. То есть в сознании индивида помимо системы общекогнитивных концептов параллельно формируется по принципу знакового атомизма система межъязыковых эквивалентных лингвистических (грамматикализованных) форм, что позволяет состояться переводческому диалогу.

И последнее, переводческий билингвизм предполагает по нашему убеждению, наличие особого когнитивного механизма «отвлечения», позволяющего в ситуациях профессиональной деятельности (при переводе) отвлечься от «избытка субъективного видения и знания» [1, с. 23], от единственности своего места в бытии в роли созерцателя [1, с. 30] и опереться на фокус объективации и рационализации восприятия вне себя, а не внутри себя. Избыток субъективного видения преодолевается при переводе познанием, формирующим единый и общезначимый мир, независимый от конкретной единственности «места в бытии» воспринимающей личности, что предъявляет особые требования к знаниям и нелингвистическим познаниям переводчика.

Таким образом, исходя из аксиомы, что понимание предваряет и обеспечивает действие, понимание феноменологии билингвизма и специфики его форм для конкретных видов профессиональной деятельности (или просто удовлетворения коммуникативных потребностей личности) способно обеспечить разработку эффективных лингводидактических технологий, формирующих исключительно адекватные знания, механизмы и компетенции – составляющие той или иной формы лингвокогнитивного феномена билингвизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества; Сост. С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – С. 7 – 180.
2. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
3. Верещагин, Е.М. К проблеме опосредованной ассоциации лексем с понятиями в условиях билингвизма / Е.М. Верещагин // Вопросы психологии. – 1966. – № 3. – С. 96 – 104.
4. Grosjean, F. (1989). Neurolinguists, beware! The bilingual is not two monolinguals in one person / F. Grosjean // Brain and Language, 1989. – № 36. – P. 3 – 15.
5. Сигуан, М., Макки, У. Образование и двуязычие / М. Сигуан, У. Маки. М.: Педагогика, 1990. – 181 с.
6. Серова Т.С. Сбалансированный билингвизм и механизм языкового переключения в устной переводческой деятельности в условиях диалога языков и культур / Т.С. Серова // Вестник Томского государственного университета. Язык и культура. 2010. – № 4 (12). – С. 44 – 56.
7. Уланович О.И. Языковой знак как инструмент когнитивного миромоделирования / О.И. Уланович // Кросс-культурная коммуникация и современные технологии в исследовании и преподавании языков. – Минск: БГУ, 2012. – С. 6 – 10.
8. Зимняя И.А. Психология перевода: Учеб. пособие / И.А. Зимняя, В.И. Ермолович. – М.: ПГПИИЯ им. М. Тореза, 1981. – 52 с.